

Манфред Шрубба
А.Л. Бем и «Современные записки»
(по материалам пражского архива)

Выдающийся историк литературы Альфред Людвигович Бем был одновременно — не только в сегодняшней перспективе — одним из виднейших литературных критиков русской эмиграции. Внимание эмигрантских читателей привлекала, в частности, серия литературно-критических фельетонов Бема, опубликованных в 1931—1939 гг. под общим заглавием «Письма о литературе» сначала в «Руле», затем в варшавской «Молве» и наконец в «Мече»¹. Статьи Бема ценились и в профессиональных литературных кругах. Высокого мнения о фельетонах был, в частности, В.Ф. Ходасевич; в сентябре 1934 г. он сообщал Бему:

Я принадлежу к числу немногих людей, получающих здесь «Меч», и с истинным удовольствием читаю Ваши статьи, всегда в высшей степени своевременные и нужные².

«Письма о литературе» были замечены и в редакции СЗ, как явствует из письма М.В. Вишняка к Бему от 29 августа 1931 г.:

Все члены редакции с большим вниманием и интересом следят за Вашими литературно-критическими очерками в «Руле». Они очень удачны и «журнальны»!³

Тем удивительнее, что сотрудничество Бема с СЗ по своему объему и характеру было так ограничено и, в сущности, не состоялось. Бем опубликовал в журнале всего лишь две случайные статьи (в 1920-е гг.) и восемь рецензий (в 1932—1933 гг.).

О причинах этого фактического неучастия Бема в СЗ можно судить по сохранившейся переписке с редакторами журнала. Некоторое представление об отношениях с редакцией дали письма Бема, сохранившиеся в разрозненных частях редакционного архива СЗ. В архивах В.В. Руднева и М.В. Вишняка было обнаружено всего 18 писем Бема к редакторам журнала, относящихся к периоду с 1931 по 1938 г.

Значительно более яркий свет на отношения Бема с редакцией СЗ бросают материалы, хранящиеся в Литературном архиве при Музее народной

¹ См.: Бем А.Л. Письма о литературе. Прага, 1996.

² См.: Янгфлов Р. Пушкин и пушкинисты. По материалам из чешских архивов // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 189.

³ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

словесности в Праге. В фонде Бема были обнаружены в общей сложности 52 письма по делам журнала за период с 1923 по 1944 г. Таким образом, имеющаяся на сегодняшний день двухсторонняя переписка Бема с редакторами журнала разрослась с 18 до 70 писем.

Из семи человек, имеющих непосредственное отношение к редакционной работе СЗ (семи — если учитывать также «исполняющих обязанности» редакторов Степуна и Цетлина), в фонде Бема хранятся письма пяти из них. В числе корреспондентов Бема не было, по-видимому, лишь Авксентьева и Фондаминского.

Первое из сохранившихся в архиве Бема писем — сообщение А.И. Гуковского от 27 августа 1923 г. Из данного письма явствует, что Бем пытался наладить связь с журналом еще летом 1923 г., предлагая редакции одну из своих работ о Достоевском; эта попытка не увенчалась успехом.

Из хранящегося в Праге письма Руднева к Бему от 1 октября 1924 г. можно заключить, что личное знакомство Бема с редактором СЗ — состоявшееся на почве педагогической работы и членства в Педагогическом бюро — относится, по-видимому, к осени 1924 года, когда Руднев в очередной раз посетил Прагу, хлопоча о финансовой поддержке для журнала.

Дебют Бема в СЗ состоялся в 1925 году, когда в «петитном» отделе «Культура и жизнь» была опубликована статья ««Игрок» Достоевского: (В свете новых биографических данных)» (СЗ. 1925. № 24. С. 379—392). Впрочем, работа Бема относилась в глазах редакторов СЗ к «мертвому грузу», то есть к разряду необязательных и неприоритетных; формулировка употреблена в письме Фондаминского к Вишняку от 22 февраля 1925 г.:

Сообщи мне, как наметили 24-ю кн<игу>. <...> Я очень боюсь, что вы принесете в жертву «мертвому грузу» (Шестов, Орлов, Бем) статьи идейного характера (Гессен, Булгаков, Гиппиус, Кускова)⁴.

К концу 1925 — началу 1926 г. относится следующая попытка сотрудничества с СЗ. Предложенная Бемом статья «Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского)» была одобрена Ф.А. Степуном; положительно откликнулся также Руднев в письме к Бему от 21 января 1926 г.:

Вчера вечером получил от Вас рукопись «Драматизация бреда». Приму все меры, чтобы она возможно скорее прошла круг «хождения по мукам» редакционного чтения (сам я ее прочел вчера же залпом, мне очень понравилось, предвижу только основное редакторское огорчение — размер!), — и тотчас же по ознакомлении кто-нибудь ответит⁵.

11 февраля 1926 г. Степун сообщал Вишняку:

⁴ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

⁵ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

Бема прочел не без интереса и попросил его подумать, не сократит ли он вдвое статью, тогда де можно будет подумать о ее помещении. <...> сокращенный Бем был бы интересен⁶.

Статья все же была редакцией отклонена как слишком длинная и слишком научная для СЗ. 16 февраля 1926 г. Степун писал Вишняку, что огорченный отказом Бем готов сократить статью на четверть, все еще надеясь, что она будет принята:

Бем согласен выбросить из своей статьи главу о Гофмане и Гоголе. Это сократит ее приблизительно на 25%. Он написал мне очень огорченное письмо и просит скорого и окончательного ответа. Он все же надеется, что мы его напечатаем, ссылаясь на Руднева, написавшего ему, что он прочел статью залпом. Я, кажется, уже писал Вам, что статья все же довольно интересна. Если это и балласт, то это балласт, как говорит Илья Исидорович <Фондаминский>, серьезный. У нас по литературе печатается в конце концов очень мало, одним словом, я был бы в конце концов за то, чтобы статью взять⁷.

Публикация, однако, не состоялась.

Очередную неудачную попытку печататься в СЗ Бем предпринял весной 1927 г., послав в редакцию статью о «Бедных людях» Достоевского; повторилась история с последней работой — Руднев сообщал Бему в мае 1927 г.:

Ваш запрос по поводу статьи о «Бедных людях» передал Марку Вениаминовичу <Вишняку>, который, исполняя секретарские обязанности, следит за «хождением по мукам» каждой рукописи. Не знаю окончательного результата голосования. Знаю только, что статья Ваша, с одной стороны, очень заинтересовала всех ее читавших, — с другой, однако, вызвала сомнение с точки зрения соответствия ее задачам нашего журнала, где мы весьма неохотно помещаем чисто исследовательские работы⁸.

Скорее пренебрежительным было отношение редакции и ко второй опубликованной в СЗ статье Бема, «Петр Безруч», в которой он представил русской публике современного чешского поэта (СЗ. 1929. № 39. С. 515–527). Так, 1 июня 1929 г. Фондаминский сообщал Вишняку, высказывая свои соображения по составлению очередного номера журнала:

По моим подсчетам, не только «К<культура> и ж<изнь>», но и большой отдел перегружен — примите меры заранее. В «Культуре и жизни» я сохранил бы все более легкое (мы даем слишком трудные книжки) — потому Адамовича лучше бы пустить. Не знаю, впрочем, можно ли отложить Гессена, Бема и Кускову⁹.

⁶ Lilly Library. Vishniak papers. F. 129.

⁷ Там же.

⁸ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

⁹ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

Статья Бема, принятая к напечатанию еще в августе 1928 г. (как явствует из соответствующего письма Руднева к Бему), пролежала почти год в портфеле редакции.

В феврале 1931 г. Бем, по-видимому, собирался послать редакции СЗ одну из своих работ о Достоевском. Об этом говорится в письме С.И. Гессена к Вишняку от 10 февраля 1931 г.:

На вечере памяти Достоевского А. Бем прочел здесь доклад «Дост<оевский> как читатель». Доклад этот имел большой успех, и я сам нахожу его превосходным. Б<ем> дал в нем синтез всех своих предыдущих работ и притом в чрезвычайно удачной и краткой форме. Пишу Вам об этом, потому что Бем собирается послать Вам эту свою статью для «С<овременных> з<аписок>». Если Вы разрешите мне высказать свое мнение, я всецело стою за помещение его статьи в ближ<айшем> же №. Статья эта — приобретение для журнала¹⁰.

Несмотря на заступничество заслуженного долголетнего сотрудника, статья «Достоевский — гениальный читатель» — действительно одна из наиболее видных работ Бема — редакцию не заинтересовала.

Очередную попытку сотрудничества с СЗ Бем предпринял летом того же года, предложив Вишняку в письме от 16 августа 1931 г. сравнительно большую историко-литературную статью о русской поэзии первой четверти XX в. Знаменательно, что почти одновременно Бем пытался наладить связь и с газетой «Сегодня», предлагая М.И. Ганфману в письме от 10 августа 1931 г. «небольшую статейку о «Блоке и Гумилеве»»¹¹ (попытка сотрудничества с рижской газетой не увенчалась успехом). Поиски новых возможностей печататься были, вероятно, связаны с ожидавшимся усложнением материальной ситуации Бема — летом 1931 г. уже, по-видимому, намечалось закрытие газеты «Руль», где Бем состоял членом редакции, заведывая книжным обозрением (газета закрылась в октябре 1931 г.).

К предложению Бема о сотрудничестве в СЗ с большим сочувствием отнесся Степун; в письме к Вишняку от 16 ноября 1931 г. он пытался убедить редакцию в том, что журналу нужен постоянный заведующий литературным отделом и что Бему эта задача по силам:

Вырастает вопрос: кто бы мог вести постоянный литературный отдел и отзываться не на случайно подвернувшиеся книги и не на субъективно понравившиеся или, наоборот, особо не понравившиеся явления советск<ой> лит<ера>туры, а на все психологически, социологически и художественно важное, что появляется в России. Следя одно время за скончавшимся «Рулем», я регулярно читал в нем фельетоны Бема. Проездом из Берлина он заехал к нам прочесть доклад, и я с ним познакомился ближе. Выяснилось, что он человек литератур-

¹⁰ Lilly Library. Vishniak papers. F. 41.

¹¹ См.: Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. Кн. 2 (Stanford Slavic Studies; Vol. 14). С. 43.

но серьезный и профессионально образованный, что чутье у него верное, что в нем есть справедливость и независимость суждений. Главное же, что он читает решительно все и чувствует задачи литературной критики так, как ее некогда чувствовали русские публицисты. В результате предлагаю поручить ему через № писать небольшие (в лист, 1½) статьи-обзоры о советской и эмигрантской литературе. Мне же поручить договариваться с ним об этих статьях. Пошлю Вам статью о советской литературе Бема, которую, по-моему, было бы хорошо напечатать, и ряд других, для ознакомления с его творчеством. Конечно, он писатель не блестящий, но ведь известно, не все то золото, что блестит. Мне же он ценен прежде всего и тем, что он чужд эстетической реакционности, что он живо чувствует Федина, Леонова и Пастернака¹².

Однако редакция СЗ отклонила предложение Степуна и отказалась от статей Бема, заказав ему всего лишь несколько рецензий на книги современных советских авторов. На этой почве завязалось интенсивное, но непродолжительное сотрудничество Бема с журналом. В пяти последующих книгах (с № 48 по № 52) он публиковал по одной-две рецензии.

Почему же журнал, публикуя охотно рецензии Бема, одновременно так упорно отказывался печатать предлагаемые Бемом статьи на литературно-критические темы? Некоторый свет на причины такого отношения СЗ к Бему бросает переписка автора с Рудневым, имевшая место в начале 1932 г. Повидимому, члены редакции побаивались слишком большой «свободы выражений», то есть откровенности и независимости суждений Бема по отношению к эмигрантским писателям. Итак, Руднев писал Бему 17 января 1932 г.:

По поводу Вашего предложения статьи об эмигрантской литературе. Скажу Вам откровенно, что редакцию смущает в этой теме (припомните наш разговор у Папоушек...). «С<овременные> з<аписки>» — к сожалению, журнал *единственный*, где как раз и пишут те, о которых надо писать критически. Здесь устанавливается т<аким> о<бразом> естественно некая грань, которая может стеснить свободу выражений критика, какую он пользовался бы, если б писал в другом органе. Поэтому редакция предпочла бы статью о советской литературе. Но меня лично очень занимает мысль, неужели нельзя, не создав болезненных положений, дать все же общий очерк о судьбе эмигрантской литературы. Я, однако, боюсь Вас поощрять в этом отношении, ибо по понятным причинам к статье Вашей на эту тему редакция в целом будет присматриваться, конечно, с особой настроенностью¹³.

Понятно, что такая постановка вопроса — в сущности, установка журнала на цензуру (или самоцензуру) по отношению к своему сотруднику — едва ли могла понравиться критику. В своем ответном письме от 5 февраля 1932 г. Бем сообщал Рудневу:

¹² Lilly Library. Vishniak papers. F. 129.

¹³ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

Что сказать о Вашем предположении, что я непременно в своей статье наговорю всем эмигрантским писателям неприятностей. Право, я вовсе в своих литературных взглядах не так уже нетерпим. Когда я писал о теме, я скорее думал о некоторых общих вопросах в связи с эмигрантской литературой. Позвольте мне сделать редакции такое предложение: я напишу на собственный риск, скорее в ожидании отказа, чем приема, статью для отд<села> «Культура и жизнь» в виде «Мыслей о литературе»¹⁴.

Как явствует из дальнейшей переписки, Бем еще неоднократно предлагал редакторам СЗ статьи на литературные темы — о Тургеневе, Достоевском, Толстом, о чешском писателе Махе (Karel Hůnek Mácha); все эти предложения остались не востребованными. Для журнала Бем так и остался «случайным сотрудником», как он сказал о себе в одном из писем к Рудневу.

После сравнительно интенсивного периода сотрудничества и общения, начавшегося во второй половине 1931 г., в апреле 1933 г. переписка Бема с Рудневым оборвалась на целый год, после чего велась лишь спорадически. Бем, разочарованный поведением редакции по отношению к нему, писал Рудневу 20 мая 1934 г.:

Я <...> вывел заключение, когда перестал получать Ваши письма, что Вы в моем сотрудничестве вовсе не так заинтересованы, а м.б., и больше, по каким-либо соображениям, от него уклоняетесь. Сознаю, было мне также очень неприятно, что Вы немедленно, как только перестали появляться мои рецензии, прекратили мне высылку журнала. Я ведь не напоминал редакции, что гонорар, мне причитающийся, я не получал, а следовательно мог предполагать, что, по крайней мере, по отношению ко мне будет соблюдена минимальная корректность — посылка журнала бесплатно¹⁵.

В своем ответном письме от 25 мая 1934 г. Руднев, отклоняя упреки в некорректности редакции по отношению к Бему, объяснял прекращение сотрудничества с пражским автором «некоторым расхождением в понимании *характера* критических заметок»; это расхождение Руднев усматривал «в особом понимании задач и интересов нашего *журнала*». В глазах редактора СЗ статьи и рецензии Бема, сами по себе вполне компетентные и хорошо написанные, недостаточно занимательны для «более широких кругов читателей»:

Об этом, помнится, мне уже приходилось писать, как раз по поводу одной Вашей рецензии о стихах. Вы защищали ее, говоря, что ее прочтут душ 20 молодых поэтов, интересующихся проблемой стиха. Я же твердо стою на той точке зрения, что печатать вещи, хотя бы и высококультурные, но интересующие только самое ничтожное число читателей, — это значит *навверное погубить журнал*.

¹⁴ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

¹⁵ PAL. MS. 1500/3.

У «С<овременных> з<аписок>» нет щедрого мецената, и покупатель — основная база его существования. Надо, не снижая культурного уровня журнала, давать статьи, могущие волновать и интересовать более широкие круги читателей¹⁶.

Причину этой «недостаточной занимательности» рецензий Руднев усматривал в установке Бема на «формально-стилистический разбор» литературных произведений:

С этой точки зрения, Ваша система рецензии, вполне законная сама по себе, рассчитана на весьма узкий круг читателей, интересующихся более формально-литературной стороной новых произведений. Этот формально-стилистический разбор, весьма ценный для какого-нибудь кружка начинающих писателей, вроде Вашего «Скита», — явно недостаточен сам по себе, — даже вне зависимости от степени интереса его для круга покупателей «С<овременных> з<аписок>»: не мне Вам доказывать значение литературы с точки зрения духовной проблематики, отражения современности и т.п. Отнюдь не приписываю Вам крайней формалистической точки зрения, — но этот уклон у Вас я чувствовал и считал его, для журнала типа «С<овременных> з<аписок>», недостатком Вашим¹⁷.

Когда Бем после длительного перерыва в начале 1936 г. предложил Рудневу очередную литературоведческую статью для журнала, Руднев ответил ему в письме от 23 февраля 1936 г.:

По поводу статьи Вашей о В. Гюго и Достоевском: не поймите, прошу Вас, меня неверно — я сам сожалею, что связь с журналом Ваша разладилась. Но *историко-литературные* темы, для журнала, выходящего три раза в год, — темы невыгодные. При несомненной их для меня доброкачественности в Вашей трактовке, они, с точки зрения ориентации на какой-то более широкий спрос на книгу (покупателя), — груз неудобноносимый. А нам, в борьбе с растущим равнодушием эмигрантского читателя к серьезному журналу, приходится, не снижая уровня, давать ему по возможности более его задевающие статьи, небольшие по размеру, разнообразные. Подумайте над этим и, м.б., придумаете другую тему. И вернитесь к заметкам тоже¹⁸.

Итак, редакция СЗ отклоняла одно предложение Бема за другим, различным образом мотивируя свои отказы. Его статьи были редакторам то слишком научные, то слишком длинные, то слишком острые и, так сказать, «общественно некорректные», то слишком формально-аналитические, то слишком элитарные, то слишком узкоспециальные. Верно, безусловно, что не все работы Бема годились для СЗ; верно также, что Бем или не умел, или не хотел всегда потрафить «социальному заказу» редакции.

¹⁶ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

¹⁷ Там же.

¹⁸ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

Тем не менее трудно избавиться от впечатления, что редакция СЗ печатать Бема почему-то просто не желала. Причины этого уклонения от сотрудничества с пражским ученым неясны. Во внутриредакционной переписке не обнаружено высказываний, бросающих свет на личное отношение редакторов к Бему. Как правило, причиной нежелания редакции печатать работы определенных авторов было либо неудовлетворительное качество рукописей, либо мировоззренческие разногласия. Если о первом в случае Бема говорить, кажется, не приходится, то и особых различий в миросозерцании Бема и членов редакции не наблюдается, скорее напротив. Бем был с начала 1920-х гг. вплоть до 1934 г. активным деятелем партии «Крестьянская Россия», возглавлявшейся в эмиграции бывшими правыми эсерами А.А. Аргуновым и С.С. Масловым; политические взгляды Бема были, безусловно, близки убеждениям правых эсеров — членов редакции журнала. Не исключено, впрочем, что в нежелании редакторов печатать статьи Бема был задействован и некий момент фракционной вражды в рамках одного и того же идейного направления.

Примечательно, однако, что в пражском архиве сохранилось также несколько писем Руднева 1938 г., в которых редактор СЗ едва ли не упрашивал Бема принять участие в журнале. 24 февраля 1938 г. Руднев писал Бему:

Повторяю свое предложение: написать статью о положении, судьбах, перспективах и пр., как угодно, — эмигрантской литературы. При воздержании от полемических колкостей, — что не лишает Вас права и возможности спорить серьезно с кем угодно, с тем же Адамовичем, напр., — Вам обеспечена свобода высказывания любых взглядов полностью. Размер — 30 000 знаков, — статья или к ближайшей, или к следующей книжке¹⁹.

Как явствует из следующих двух писем Руднева, Бем на этот раз на данное предложение сначала даже не ответил, а затем стал отнекиваться. Поскольку именно к первой половине 1938 г. окончательно ушел из редакции Вишняк, возникает подозрение, что именно он (может быть, по личной антипатии?) препятствовал более тесному сотрудничеству Бема с журналом. Интересно, что в письме от 30 июля 1938 г. Бем сообщал Рудневу о своей привязанности к СЗ — несколько неожиданно, учитывая нанесенные ему со стороны журнала обиды:

Все время очень много спешной работы, так что сейчас не могу ничего для «Современных» записок» обещать. Надеюсь, что мне осенью удастся что-нибудь написать, скорее всего, начну с рецензий, если у Вас ощущается в них нужда. Я сейчас особенно ценю «Современные» записки», сейчас, когда появилась нелепая затея с «Русскими» записками»²⁰.

¹⁹ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

²⁰ РАЛ. MS. 1500/9.

Знаменательно, что в РЗ, где фактически верховодил Вишняк, Бем не печатался ни разу.

Если Вишняк и Бем были друг другу, скорее всего, антипатичны, то из числа редакторов журнала наиболее теплые отношения связывали Бема со Степуном. В пражском архиве сохранилось 16 писем Степуна к Бему (архив Степуна, как известно, погиб при пожаре Дрездена в феврале 1945 г.). Письма охватывают период с 1925 по 1944 г. Оба ученых сблизились в начале 1930-х гг., когда познакомились лично и приглашали друг друга выступать с докладами — Степун Бема в Дрезден, а тот его в Прагу. Именно тогда Степун стал покровительствовать Бему, как видно из приведенного выше письма от 16 ноября 1931 г. Особо дружествен тон развернутых и весьма содержательных писем Степуна к Бему, отправленных в Прагу во время войны, уже после прекращения СЗ.